

М.В. Кирчанов

ЗЕМЛЯ, КРОВЬ И ПАМЯТЬ: БАВАРСКИЙ ИДЕНТИТЕТ, НЕМЕЦКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАВАРИИ (1928 - 1944 ГГ.)

Немецкий писатель Эрнст Юнгер писал, что отцом немецкого национализма в межвоенной Германии была война¹. Развивая его слова, можно сказать, что его матерью была и история. История, как наука, и национализм, как политическая идеология, связаны между собой самым тесным образом. Энтони Смит пишет, что «история национализма - это и история тех, кто о нем повествует». В зависимости от ситуации историки могут быть в лагере националистов, быть его создателями и приверженцами, закладывая «фундамент национализма в своих странах». В тоже время именно историки могут принадлежать к числу его самых последовательных противников, «критиков и оппонентов национализма»².

Практически в каждой национальной исторической науке были и есть исследователи-националисты и историки без конкретных национальных пристрастий, заинтересованные в развитии исторической науки как таковой. В разные исторические периоды влияние этих групп и число их приверженцев может быть различным. В периоды активной политической борьбы, национального движения или патриотической эйфории в результате обретения независимости - национализм может стать единственной парадигмой, определяющей направление исторических исследований. В периоды относительной политической и экономической стабильности национализм в исторической науке являет собой маргинальное направление.

В отечественной историографии проблемы связи национализма и исторических исследований изучены крайне слабо. Это утверждение тем более справедливо и в отношении отечественных германских студий. Большая часть исследований по германистике, выходящих в современной России, в большей или меньшей степени, развивает темы,

¹ См. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770 - 1990 / О. Данн. - СПб., 2003. - С. 273.

² Смит Э. Национализм и историки / Э. Смит // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 236.

унаследованные от старой советской историографии. Среди этого относительно широкого тематического своеобразия места для проблем, связанных с национализмом, почему-то не нашлось. Единственное исключение - публикация в 2003 году перевода книги немецкого историка Отто Данна «Нации и национализм в Германии»³.

В настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть некоторые проблемы связанные с историей национализма в Германии: мы остановимся на связи исторических исследований и национализма, локализовав исследование уровнем только Баварии, в период между 1928 и 1944 годами. В центре внимания будет историческое издание «*Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte*», которое начало выходить в 1928 году. После завершения второй мировой войны его выпуск возобновился. В современных исследованиях национализма преобладают методологии, которые развиваются в западной историографии после 1945 года. Поэтому, в изучении баварского дискурса в немецком национализме мы будем опираться на хорошо зарекомендовавшие себя теории «воображаемых сообществ», «мест памяти» и т.п.

Бавария в значительной степени отличается от остальных немецких земель. Она - самая крупная и исторические старейшая земля Федеративной Республики Германия. Баварские традиции самосознания и государственности формировались на протяжении более чем тысячелетней истории. Бавария оказалась единственной германской землей, которой благодаря своей экономической значимости и ярко выраженной самобытности народа удалось сформировать настоящее самосознание, которое, вероятно, может быть определено именно как национальное. Эта ситуация осознавалась всеми немецкими интеллектуалами, не только местными баварскими. Особенности Баварии еще более подчеркивались особенностями местного языка. Такая ситуация своими корнями несомненно уходит в прошлое и история Баварии стала важным каналом для развития и поддержания местного национального идентитета.

В межвоенной Германии баварские интеллектуалы предпринимали серьезные попытки в области поддержания и развития местной идентичности, используя именно историю. В такой ситуации исторические исследования приобретают статус политический, так как оказались призванными не только акцентировать внимание на уникальности, присущей Баварии, но и доказать, что баварские особенности - естественны и являются продуктом постепенного исторического развития. Вместе с тем, баварские интеллектуалы, в частности и на страницах

³ Данн О. Нации и национализм в Германии 1770 - 1990 / О. Данн. - СПб., 2003.

«*Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte*», культивировали нарратив и о том, что история Баварии является отдельным и самостоятельным элементом исторического процесса в Германии.

Баварские интеллектуалы в межвоенный период были склонны выделять историю Баварии из общегерманского исторического контекста. Она ими не вписывалась в историю других земель, а рассматривалась как своя собственная местная история со значительными особенностями, которые делали возможным ее исключение из общегерманского исторического процесса и анализ как самостоятельной истории. Правда, единства мнений относительного характера такой местной исторической самости и самодостаточности среди баварских историков не было. Параллельно определение статуса местной истории осложнялось и периодически возникающими спорами о самой немецкой истории и роли в ней некоего внеисторического германского народного начала, немецкого гения.

В 1930 году Макс Лейх предложил вариант прочтения баварской истории, который можно определить как максимально локализованный именно на баварской почве и более отделенный и отдаленный от истории Германии в целом. Местная история определялась им не иначе как местная, здешняя, почти - «тутошняя». Правда, большая часть баварских интеллектуалов (например, Фридрих Мауер, Ханс Оскар Динер), хотя стояла на национальных позициях, тем не менее, была склонна интерпретировать эту проблему не столь радикально. История Баварии оценивалась ими как *Landesgeschichte*⁴, то есть история земли, что все равно подчеркивало выделенность Баварии из числа других немецких регионов. В то же время баварские интеллектуалы оказались втянутыми в дискуссию о германском духе, имевшую скорее политический или народно-мифический, но не научный характер⁵. Дискутируя о статусе своей местной истории, они периодически обращались и к теме общих германских корней, германской мифологии, что в некоторой степени сближало исторические исследования с существовавшими ранее и тогда течениями в немецком национализме.

Культивирование и развитие национальной идентичности было невозможно без обращения к конкретным примерам. Таковыми могли стать выдающиеся деятели прошлого, как общенемецкого, так и местного баварского уровня. Их образы культивировались, они преподно-

⁴ Maurer Fr. Neue Wege fränkischer Landesforschung / Fr. Maurer // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 449 - 480; Diener H.O. Grundsätzliches zur Methode der Landwirtschaftsgeschichte / H.O. Diener // ZfBLG. - 1936. - Bd. 9. - S. 107 - 110.

⁵ Geldner F. Sinn und Aufgabe der Walhalla // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 463 - 478; Huber H. Die Keplerbüste in der Walhalla // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 455 - 465.

сились как образцы для подражания, как истинно немецкие люди, как носители духа немецкой исключительности, как проявления германского гения. Баварские интеллектуалы в анализируемый период писали как о местных, так и немецких деятелях⁶. Причем предпочтение отдавалось явно вторым. Они были призваны отцами баварской нации, на которых следовало ориентироваться остальным баварцам.

Роль отца такого национального пантеона была отведена местными интеллектуалами Людвигу I Баварскому. О нем баварские историки писали много, часто и охотно⁷. Биография Людвига оказалась изученной столь детально, что в его жизнеописаниях выделяются работы, посвященные его молодости, политической зрелости и позднему периоду правления⁸. Он преподносился как выдающийся немецкий политик, современник не менее заметных французского императора Наполеона I и российской императрицы Екатерины II⁹. Он осознавался как крупный политический мыслитель своего времени, который был в курсе важнейших политических тенденций, как политик поддерживавший связь с интеллектуалами-современниками¹⁰. Вместе с тем акцентировалось внимание на самой политической активности монарха: их фигуры баварской он превращался в политика всей Германии¹¹.

Вторым отцом баварской нации объявлялся Максимилиан II. Как и Людвиг, он привлекал внимание со стороны баварских интеллектуалов и исследователей. Подобно Людвигу он наделялся многочисленными

⁶ Becker A. Georg Christian Crollius (1728-1790). Zum 200. Todestag eines gelehrten Pfälzers // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1. - S. 1 - 14; Weiß K. Johann Georg von Schuh, Oberbürgermeister von Nürnberg // ZfBLG. - 1930. - Bd. 3. - S. 407 - 480.

⁷ Chroust A. Ein Kritiker Ludwigs I. von Bayern (zugleich ein Beitrag zur Geschichte der inneren Verwaltung Bayerns) // ZfBLG. - 1940 - 1941. - Bd. 13. - S.53 - 86; Chroust A. Eine neue Biographie Ludwigs I. // ZfBLG. - 1938. - Bd. 11. - S. 121 - 130.

⁸ Franz E. Persönlichkeiten um Ludwig Frh. v. d. Pfordten. Eine Untersuchung auf Grund neuer Quellen // ZfBLG. - 1939 - 1940. - Bd. 12. - S.137 - 162; Meiser O. Ein Brief des Kronprinzen Ludwig über den ersten Landtag von 1819 // ZfBLG. - 1938. - Bd. 11. - S. 137 - 140; Chroust A. Aktenstücke zur Jugendgeschichte des späteren Königs Ludwig I. von Bayern // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 446 - 455.

⁹ Redwitz M. Die Verlobung des Kurprinzen Ludwig von Bayern mit der Großfürstin Katharina von Rußland // ZfBLG. - 1929. - Bd. 2. - S. 31 - 38.

¹⁰ Andreas W. Gespräche König Ludwigs I. von Bayern mit dem Weimarischen Kanzler von Müller über deutsche Zollpolitik // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 209 - 220; Striedinger I. Neues Schrifttum über Kaspar Hauser. Zur 100. Wiederkehr seines Todestages (17. Dezember 1833). Mit einem Anhang: Briefwechsel des Königs Ludwig von Bayern mit Lord Stanhope // ZfBLG. - 1933. - Bd. 6. - S. 415 - 484; Pölnitz G. Kronprinz Ludwig von Bayern und Graf Montgelas (nach ihrem Briefwechsel von 1810-1816) // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 35 - 85.

¹¹ Landauer R. König Ludwig I. von Bayern und Salzburg // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 488 - 491.

политическими и баварскими добродетелями. Особое внимание акцентировалось не только на его политике в сфере культуры и отношениях со своими современниками¹². Он преподносился как общегерманская фигура, как один из участников решения баварского вопроса¹³.

Людвиг I Баварский и Максимилиан II возглавляли тот пантеон отцов нации, столь усердно воображаемый и культивируемый местными баварскими интеллектуалками. Наряду с ними в этот пантеон входило еще более десяти национально значимых баварских политиков, деятельность которых так же могла быть усилиями местных историков вписана и интегрирована в национальный пантеон. Наряду с правившими Баварией монархами туда входили и фигуры и менее значимые, но связанные с ними - например, кронпринц Рупп्रेхт¹⁴. В пантеон попали и те деятели, которые имели заслуги на «баварской государственной службе» - граф Бернхард фон Рехберг¹⁵, а так же деятели баварской политики - баварский министр культуры Максимилиан фон Берх¹⁶, баварский военный министр Отто фон Крес¹⁷, баварский криминалист Фёйербах Ферхельтнис¹⁸. В этот пантеон были интегрированы и фигуры почти неизвестные в общегерманском масштабе: Фридрих Сустрис, Фридрих фон Диттмер, Йоханнес Бём¹⁹.

Однако, баварские интеллектуалы не ограничивались только попытками сформировать особый национальный пантеон. Доказывая уникальность и неповторимость баварской истории, они обратились к проблемам культурной и этнической истории Баварии. Важнейший, в одинаковой степени и этнический и культурный элемент, который вы-

¹² Doeberl M. Kulturpolitik König Maximilians II. von Bayern // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1; Franz E. König Max II. von Bayern und seine geheimen politischen Berater // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 219 - 242.

¹³ Franz E. Wilhelm von Doenniges und König Max II. in der Deutschen Frage // ZfBLG. - 1929 - Bd. 2 - S. 445 - 476.

¹⁴ Frauenholz E. von, Kronprinz Rupprecht im Weltkrieg // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1.

¹⁵ Rechberg G. Der Versuch der Berufung des Grafen Bernhard von Rechberg in den bayerischen Staatsdienst (1851/52). Briefe aus Familienbesitz // ZfBLG. - 1929. - Bd. 2. - S. 319 - 328.

¹⁶ Ow A. Zur Charakteristik des kurbayerischen Ministers Maximilian Grafen von Berchem // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 97 - 108.

¹⁷ Demeter K. Otto von Kreß als Bayerischer Kriegsminister // ZfBLG. - 1933. - Bd. 6. - S. 85 - 110.

¹⁸ Striedinger I. Des Kriminalisten Feuerbach Verhältnis zu Bayern, insbesondere sein Anteil an der Aufhebung der Folter // ZfBLG. - 1935. - Bd. 8. - S. 222 - 237.

¹⁹ Braun J. Friedrich Sustris und das Langhaus von St. Michael zu München // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 37 - 56; Rauch M. von, Zur süddeutschen Handelsgeschichte: Friedrich von Dittmer (1727-1811) // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1; Schmidt E.L. Johannes Böhm aus Aub. Die Entstehung der deutschen Volkskunde aus dem Humanismus // ZfBLG. - 1939 - 1940. - Bd. 12. - S. 94 - 111.

деляет Баварию из других немецких территорий - язык. Баварский язык или баварский диалект немецкого языка привлекал внимание баварских интеллектуалов в межвоенный период, и они понимали, что именно местный язык с присущими ему уникальными особенностями и является одним из важнейших факторов развития баварской идентичности. Поэтому, баварскими историками был написан целый ряд работ, где в исторической и историко-языковой перспективе рассматривались особенности древнебаварских имен, анализировалась не только проблема происхождения баваров и самого слова «Бавария»²⁰, но и проблемы составления особого баварского словаря²¹, призванного положить конце спорам о самостоятельном статусе баварского среди других германских языков.

Одной из важнейших и национально маркированных тем была проблема роли в местной истории славян. Баварские историки не отрицали того, что германского заселения на территории будущей Баварии жили различные славянские племена. Однако, отношение к ним среди баварских интеллектуалов было различно. На определенных этапах своего развития немецкая интеллектуальная, особенно - историческая, традиция была отмечена крайне негативным отношением к славянам и отрицанием того, что последние были в состоянии сыграть какую бы то ни было роль в баварской истории. Поэтому, баварские интеллектуалы колебались между отрицанием славянского влияния и попытками выяснить, где оно реально имело или могло иметь место. Например, в 1930-е годы появились работы Херманна Витца и Хайнриха Айдмана, посвященные проблемам истории славянского населения на территории Северной Баварии²².

Баварские интеллектуалы в рассматриваемый период нашли еще один для поддержания местной идентичности. Для культивирования широко использовалась религия. Бавария, действительно, в религиозном плане в значительной степени оставалась традиционной или даже традиционалистской, преимущественно - католической, периферией. Позднее именно Бавария стала родиной ХСС, а политическая традиция на религиозной основе в современной Баварии сильна, несмотря на все

²⁰ Mitterwieser A. Altbayerische Familiennamen in Befehlsform // ZfBLG. - 1930. - Bd. 3. - S. 343 - 346; Striedinger I. Wie alt ist der Baiern-Name? // ZfBLG. - 1937. - Bd. 10. - S. 1 - 11; Schmidt L. Zum Ursprung der Baiern // ZfBLG. - 1937. - Bd. 10. - S. 12 - 18.

²¹ Kraus C. von, Schmellers Bayerisches Wörterbuch // ZfBLG. - 1940 - 1941. - Bd. 13. - S.87 - 93.

²² Eidam H. Die Slaven in Nordbayern. Mit 17 Abbildungen auf 6 Tafeln // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 147-174; Witz H. Die Slawen in Nordbayern (zu H. Eidam, Die Slawen in Nordbayern) // ZfBLG.-1934. - Bd. 7. - S. 92 - 97.

тенденции к секуляризации. В 1920 - 1930-е годы в исследованиях религиозной истории местные авторы нередко стремились подчеркнуть и подчеркивали выделенность Баварии из остальных немецких земель, ее уникальность. В такой ситуации культивировался нарратив о баварцах как религиозной, католической, нации. На фоне значительного числа исследований по религиозной истории²³, истории Католической Церкви и католических диоцезов в Баварии²⁴, почти агиографических жизнеописаний-биографий местных монахов, священников и святых²⁵, исследований по церковному праву²⁶, количество работ, посвященных проблемам реформации²⁷ и тем более секуляризации²⁸ в традиционной Баварии оставалось всегда крайне незначительным. В такой ситуации было предпочтительным изучении не реформации, а скорее, активности ее противников²⁹.

Для культивирования баварского национального идентитета были очень важны т.н. «места памяти» или «памятные места» - регионы, которые служили источником для стимулирования национальной идеи. По словам П. Нора, места памяти - объекты, которые способствуют сохранению национального и исторического тождества³⁰. Изучение баварской культуры и этих «мест памяти», хотя подобная терминология баварским историкам не была тогда известна, стимулировало национальное сознание в регионе³¹. Эти места служили естественными под-

²³ Nestler H. Vermittlungspolitik und Kirchenspaltung auf dem Regensburger Reichstag von 1541 // ZfBLG. - 1933. - Bd. 6. - S. 389 - 414; Pfeilschifter G. Vorschläge über die Anlage einer Geschichte der katholischen Kirche Bayerns // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 86 - 92.

²⁴ Pfeilschifter-Baumeister G. Die Weihezulassung in den altbayerischen Diözesen des 16. Jahrhunderts // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 357 - 422.

²⁵ Schöffel P. Zur Geschichte Bischof Heinrichs II. von Würzburg (1159-1165) // ZfBLG. - 1937. - Bd. 10. - S. 117 - 124.

²⁶ Mayer E. Das sog. Sendweistum der Main- und Rednitzwenden und andere Quellen des bayerischen Kirchenrechts aus dem Ende des 9. und Anfang des 10. Jahrhunderts // ZfBLG. - 1933. - Bd. 6. - S. 1 - 26.

²⁷ Schottenloher, Karl, Beiträge zur Geschichte der Reformationsbewegung im Fürstbistum Würzburg 1526-1527 // ZfBLG. - 1939 - 1940. - Bd. 12. - S.163 - 172.

²⁸ Backmund N. Die Totenrotelversendung beim Kloster Windberg kurz vor der Säkularisation // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 481 - 487; Ow A. Streiflichter zur Geschichte der Säkularisation in Bayern. Aus einem Privatarchiv // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 187 - 206.

²⁹ Bigelmair A. Zur Geschichte der Gegenreformation in Süddeutschland // ZfBLG. - 1940 - 1941. - Bd. 13. - S.101 - 110.

³⁰ Nora P. Realms of Memory: Rethinking of the French Past. - NY., 1996.

³¹ Knapp Fr. Frankens Bedeutung in der künstlerischen Kultur // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1; Mayer A. Die Sage von Maria-Birnbaum bei Sielenbach. Kultgeschichtliche Analyse einer bayerischen Sage // ZfBLG. - 1940 - 1941. - Bd. 13. - S.272 - 296; Widemann J. Die Traditionen der bayerischen Klöster // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1.

тверждениями баварского исторического процесса и являлись памятниками баварской истории, которые воспринимались как естественное подтверждение того, что она в значительной степени не похожа на общенемецкую. Баварский национальный музей в такой ситуации воспринимался как важнейший канал транслирования национального исторического опыта и его передачи молодому поколению³². В особое место памяти превратилась и вся Бавария (что автоматически не означало отсутствия интереса к истории других немецких земель, который нередко был призван показать и доказать, что они не такие как Бавария³³), города которой позиционировались почти как непространственные участники баварской истории³⁴. Постоянное вспоминание их исторического прошлого в контексте широкого изучения истории именно баварской культуры синтезировалось с регионалистскими амбициями местных национально ориентированных политиков.

Изучение истории отношений Баварии с другими европейскими регионами стало самой национально маркированной темой в местной баварской историографии. Лишенные независимости к началу 1870-х годов, не получившие ее и после создания Веймарской республики, баварские интеллектуалы сберегли память о том, что некогда Бавария была одним из важнейших участников международных отношений в Европе. В данном случае они шли несколько в разрез с основной консервативной тенденцией развития исторических исследований. На фоне развития клерикального течения в историографии внимание к роли вы-

³² Huggenberger J. Die Entstehungsgeschichte des bayerischen Nationalmuseums // ZfBLG. - 1929. - Bd. 2. - S. 39 - 64.

³³ Becker A. Die Pfalz vor 100 Jahren. Zur Geschichte des Hambacher Festes // ZfBLG. - 1929. - Bd. 2. - S. 65 - 88; Beckmann G. Die Herrschaften Aschau und Hirsberg-Wildenwart bis zum Aussterben der Freyberg (1276-1603) // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1. - S. 14-32; Blößner G. Die Schifffahrt auf der Vils in früheren Jahrhunderten. Nach Akten des Staatsarchivs und des städtischen Archivs zu Amberg // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1; Franz E. Des Nürnberger Ratsschreibers Johannes Müllner Bericht über den Einzug des Kaisers Matthias 1612. Ein Beitrag zur Historiographie des 17. Jahrhunderts // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 82 - 95; Gümbel, Albert, Zwei Nürnberger Zeugnisse zur Geschichte des Fuggerhandels aus den Jahren 1484 und 1505 // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 439 - 446; Lutz K. Ein schwedischer Wittelsbacher in der Südpfalz als Zeuge für Frankreichs Rheinpolitik. (Prinz Adolf Johann 1665-1675) // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 399 - 416; Pfeiffer A. Die Pfalz unter französischer Besatzung 1918-1930. Ein Überblick // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 89 - 128.

³⁴ Landauer R. Das bayerische Salzburg im Jahre 1813 // ZfBLG. - 1933. - Bd. 6. - S. 246 - 250.

ходцев из баварских земель в войне за независимость в Северной Америке³⁵ выглядело очень либеральным.

С другой стороны, при изучении франко-германских отношений³⁶ они стояли на национальных и националистических позициях, так как работали в условиях роста национализма, вызванного унижением перед Францией в результате поражения в первой мировой войне. В такой ситуации особое внимание акцентировалось на антибаварской пропаганде противников Германии, например, той же Франции³⁷. Это не мешало баварским интеллектуалам изучать баварско-европейские отношения, доказывая причастность Баварии к общеевропейскому историческому процессу³⁸. Вместе с тем особое внимание уделялось истории отношений с Австрией и славянскими государствами³⁹, что было призвано лишний раз подчеркнуть особенности исторического процесса в Баварии.

История традиционно в отечественной германистике рассматривалась в лучшем случае как историография, а роль исторического исследования в формировании национального сознания, местных идентичностей оставалась за пределами подавляющего большинства советских исследований по германистике. Советские историки не были склонны видеть в истории один из национально созидających факторов. Анализ баварского дискурса связи исторической науки с обществом свидетельствует об обратном. Исторические студии в 1920 - 1940-е годы оказались неотъемлемым элементом баварского национального проекта, создателями которого стали местные, национально ориентированные, баварские интеллектуалы.

³⁵ Bezzel O. Ansbach-Bayreuther Miettruppen im Nordamerikanischen Freiheitskrieg 1777-1783 // ZfBLG. - 1935. - Bd. 8. - S. 185 - 214, 377 - 424.

³⁶ Koeppel F. Bayern und die französische Pfalzpolitik 1866 // ZfBLG. - 1935. - Bd. 8. - S. 425 - 444; Schrötter, Friedrich Freiherr von, Die fränkische und rheinische Währung im Brandenburgischen Franken während des 17. Jahrhunderts // ZfBLG. - 1930. - Bd. 3. - S. 317 - 332; Weigel H. Franken im dreißigjährigen Krieg. Versuch einer Überschau von Nürnberg aus // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 1 - 50, 193 - 218; Wühr W. Der Bayreuther Prozeß gegen die gegenrevolutionäre Agentur Ludwigs XVIII. von Frankreich 1801-1804 // ZfBLG. - 1937. - Bd. 10. - S. 93 - 116.

³⁷ Riedner O. Aus der Weltkriegspropaganda gegen Bayern // ZfBLG. - 1936. - Bd. 9. - S. 440 - 450.

³⁸ Schottenloher K. Der bayerische Gesandte Kasimir Haeffelin in Malta, Rom und Neapel (1796-1827) // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 380 - 415.

³⁹ Bosl K. Die Markengründungen Kaiser Heinrichs III. auf bayerisch-österreichischem Boden // ZfBLG. - 1943 - 1944. - Bd. 14. - S. 177 - 247; Maenner L. Die süddeutschen Mittelstaaten zwischen Frankreich und Österreich im Jahre 1805 // ZfBLG. - 1938. - Bd. 11. - S. 188 - 221; Zatschek H. Baiern und Böhmen im Mittelalter // ZfBLG. - 1939 - 1940. - Bd. 12. - S.1 - 36.

Проанализировав исторические исследования баварских историков, приходится признать, что они не были оригинальны в своих попытках создать и поддержать национальную идентичность средствами исторического исследования. Подобные явления характерны и для истории других европейских национализмов. Во всех странах Европы именно историки закладывали основы национального сознания, принимали активное участие в национальных движениях, конструировали национальные идентичности. С другой стороны, связь исторических студий с национальной идентичностью в Баварии имела свои особенности. Важнейший ее элемент - это консервативный характер.

Если в других европейских регионах отцами нации с подачи местных националистов становились политические деятели, позиция которых не может быть понята однозначно, то баварские интеллектуалы такого внутреннего противоречия смогли избежать. Проблема состоит в выборе отцов нации: если в случае украинского национализма усилиями национально ориентированных интеллектуалов отцом стал Тарас Шевченко, который националистами понимался как националист, а украинскими коммунистами как основоположник революционного движения, то в Баварии на роль таких отцов претендовали местные монархи, особенности статуса и положения которых избавляли местных историков от психологических трудностей их понимания и интегрирования в национальные нарративы.

Вместе с тем, особое внимание к религиозному фактору, роли немецкого духа, особенностям геополитического положения Баварии - все эти факторы определили особенности той идентичности, которая формировалась баварскими интеллектуалами. Это был особый тип идентичности, идентичности на грани - грани модерновости и традиционности, германства и славянства. В данном контексте в баварском национальном проекте заметны черты некоторой маргинальности. Баварцы, как католики, как немцы на границе со славянами и другими немцами (австрийцами), как носители особого диалекта с претензиями на статус самостоятельного языка явно не вписывались в остальную Германию. Поэтому национальный проект, локализованный на периферии немецкого мира, привел к тому, что местный идентитет не вписался в общую немецкую идентичность.

Возможно именно поэтому, в современной ФРГ Бавария представляет собой республику не только с сепаратистскими тенденциями, но и с ярко выраженной самобытностью, местным идентитетом. В этом, скорее всего, есть заслуга и баварских историков. История выпестовала и вырастила баварское национальное самосознание. Именно историче-

ские исследования на современном этапе играют роль стимула в поддержании и культивировании местного идентитета. Постоянная рефлексия над прошлым, изучение наследия, его бережное сохранение в виде тех же мест памяти делает Баварию уникальным германским регионом, где фактор исторических студий в развитии национализма нуждается в дальнейшем изучении.